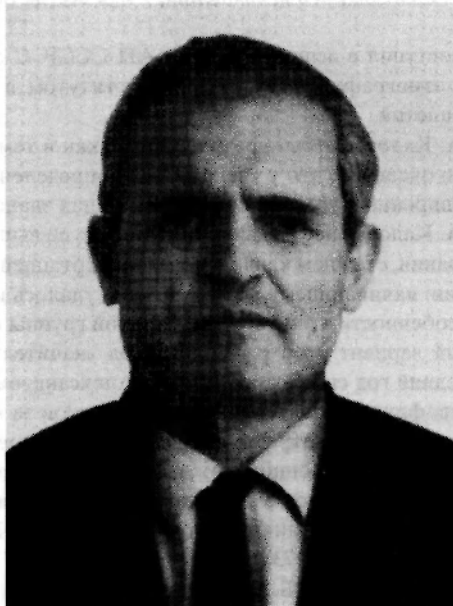

IN MEMORIAM

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ КАЛОЕВ
(09.06.1920 – 28.05.2005)

Б.А. Калоев прошел большой жизненный и творческий путь. Родившись почти в самом начале прошлого столетия, вступив в пору социальной и гражданской зрелости в 1930-е годы, Борис Александрович полностью разделил судьбу и идеалы своего поколения, с честью выстоявшего во всех коллизиях и катаклизмах нашей трагической и героической истории. Отдав большую часть своих жизненных и творческих устремлений любимой профессии, Б.А. Калоев был среди тех, кто принимал активное участие в послевоенном организационном и интеллектуальном возрождении отечественной этнографической науки, в формировании ее регионально-отраслевых направлений, а в становление одного из них – кавказоведения – он внес выдающийся и непреходящий вклад.

Б.А. Калоев родился в небольшом североосетинском селении Байком. Позднее, восстановив генеалогию рода, Борис Александрович пришел к выводу, что Калоевы поселились здесь не позднее XVI в., освоив суровую местность на склоне одного из отрогов Закинского ущелья. Жизнь родительской семьи, в которой росли пятеро братьев и сестра, была наполнена нелегкими крестьянскими буднями, в которых дети становились посильными помощниками взрослых: будущий ученый уже в шестилетнем возрасте был сельским пастушком. В начале 1920-х годов вся Горная Осетия была охвачена кампанией по административному переселению местных жителей на равнину; семья Калоевых также покинула Байком, обосновавшись в селении Коста.

Взрослую трудовую деятельность Б.А. Калоев начинал в рабочей среде. Окончив неполную среднюю школу, он был направлен в Ростов-на-Дону. Здесь он работал в арматурном цехе паровозоремонтного завода, учился на рабфаке. Вернувшись в Осетию, поступил на исторический факультет Северо-Осетинского педагогического института, который окончил в 1940 г.

Великую Отечественную войну Б.А. Калоев встретил, будучи солдатом срочной службы. Его ратный путь начался в боях под Таганрогом, а после окончания курсов начальствующего

состава Б.А. Калоев воевал на Калининском и Центральном (Воронежском) фронтах, был участником величайшей битвы Второй мировой войны на Курской дуге, где получил тяжелое ранение. Как и для всех фронтовиков, память о войне, в которой народ защитил родину от порабощения, была для Бориса Александровича священна, 9 мая всегда оставался дорогим и глубоко личным праздником.

В 1947 г. Б.А. Калоев поступил в аспирантуру ИЭ АН СССР. С этого времени он окончательно связал свою жизнь с этнографической наукой, с институтом, в стенах которого проработал без малого шесть десятилетий.

Научное творчество Б.А. Калоева весьма разнообразно, как в тематическом, так и в региональном контекстах, однако очевидно, что у ученого была определенная сверхзадача, которую он видел во всемерном расширении и углублении объема наших знаний об осетинской этнографии. Как никто другой, Б.А. Калоев внес выдающийся вклад в ее выполнение.

В своем первом исследовании, ставшем кандидатской диссертацией, Б.А. Калоев обратился к изучению моздокских осетин: начинающему исследователю удалось полновесно охарактеризовать культурно-бытовые особенности этой территориальной группы осетинского этноса (переработанный и расширенный вариант этой работы вышел значительно позднее: Моздокские осетины. М., 1995). В последний год своей жизни Борис Александрович вновь был погружен в осетинский историко-этнографический материал. В законченной за месяц до смерти монографии "Осетины в Закавказье" им рассмотрены основные вехи истории и культурно-бытовых процессов у осетинских групп, проживающих в южных регионах Кавказа. Широко известны и другие работы, составившие многогранное осетиноведческое наследие ученого: "Осетины глазами русских и иностранных путешественников" (Орджоникидзе, 1971); "Материальная культура и прикладное искусство осетин" (М., 1973) и др.

Однако самым значительным вкладом Б.А. Калоева в этот раздел кавказоведения стала его обобщающая монография "Осетины" (1-е изд.: М., 1967; 2-е изд.: М., 1971; 3-е изд.: М., 2004). По словам самого Бориса Александровича, он долго готовился к написанию этого труда, тщательно собирал материал, совершая многочисленные и длительные экспедиции во все регионы проживания осетин, осмысливал предшествующую литературную и историографическую традицию. Исследователь остро осознавал свою научную ответственность за успешность решения поставленной масштабной задачи. Уже первое издание фундаментальной монографии показало, что этот труд Б.А. Калоева может быть поставлен в ряд с другими классическими произведениями (М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллера, В.И. Абаева и др.), знаменовавшими этапы изучения историко-этнографического прошлого осетинского народа.

Б.А. Калоев внес значительный вклад и в другие региональные и проблемные разделы кавказоведения. С 1948 г. он был активным участником Дагестанской историко-этнографической экспедиции ИЭ АН СССР, ставшей по существу первым масштабным исследованием советских этнографов народов многоязычного Дагестана. Б.А. Калоев работал среди лезгин, посвятив им содержательные этнографические очерки, запечатлевшие срез бытовой культуры на период середины прошлого столетия. Позднее в составе Адыгейской этнографической экспедиции ИЭ АН СССР (1950–1960-е годы) Б.А. Калоев вел интенсивную полевую работу на Северо-Западном Кавказе – в кавказоведении это стало еще одним важным опытом изучения синхронной современности. В архиве Б.А. Калоева сохранился большой массив этнографических наблюдений, сделанных во время экспедиций в Чечне и Ингушетии. Борис Александрович неоднократно выражал сожаление, что не успевает ввести эти во многом уникальные материалы в научный оборот.

В 1970–1980-е годы Б.А. Калоев работает в группе по созданию историко-этнографического атласа Кавказа. Как и другие региональные атласы, этот проект остался неосуществленным, однако благодаря проведенной работе кавказоведение обогатилось еще двумя фундаментальными монографиями Б.А. Калоева – "Земледелие народов Северного Кавказа" (М., 1981) и "Скотоводство народов Северного Кавказа" (М., 1990). Феноменальная работоспособность и широта научных интересов позволили Б.А. Калоеву в эти годы развивать другие исследовательские направления, в частности связанные с историей кавказоведения. Впрочем, интерес к

истории науки всегда сопутствовал научному творчеству Б.А. Калоева, что в значительной степени сопрягалось с его личным, необыкновенно трепетным и благоговейным отношением к памяти своих научных предшественников. Во многом эти чувства стали побудительным толчком для работы над исследовательским анализом научного наследия корифеев отечественного кавказоведения – "В.Ф. Миллер-кавказовед" (Орджоникидзе, 1976), "М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа" (М., 1976), серии статей о А.Ф. Кони и его кавказоведческих штудиях, о Е.Г. Пчелиной и др. Долгие годы Б.А. Калоев был связан дружескими отношениями с В.И. Абаевым. Как оказалось, Борис Александрович вел своеобразный дневник их встреч, бесед и размышлений. Этот материал стал основой для замечательной книги Б.А. Калоева "Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах" (М., 2001), в которой наряду с анализом научных взглядов дается выразительный личностный портрет великого ученого в неформальной, домашней обстановке.

Одна из последних монографий – "Записки кавказоведа" (Владикавказ, 2002) – высветила еще одну грань творческого таланта Б.А. Калоева. Он оказался великолепным мемуаристом и интересным рассказчиком. Записки ученого согреты теплом воспоминаний о днях детства и юности, о родных и близких, о памятных встречах и людях, оставивших след в памяти и душе автора. Для всех интересующихся – здесь богатейший источник информации о многих сторонах жизни научного сообщества этнографов середины и конца XX столетия, немало глубоких характеристик и оценок, помогающих уяснить особенности ушедшей в прошлое эпохи нашей жизни.

Выше поименованы лишь наиболее крупные и значительные труды Б.А. Калоева. Между тем его научное наследие также воплотилось в многочисленных статьях, научных рецензиях, научно-методических разработках и т.д. Самостоятельную ценность представляет изобразительный архив ученого, в котором отложились сотни фотографий, зарисовок, карт, схем, выполненных во время полевых экспедиций.

Как ученый Б.А. Калоев был воспитан в классических традициях отечественной науки. Фундаментальную базу этнографических исследований он видел прежде всего в анализе и обобщении информации и фактов, добытых в поле, в ходе неформального общения с носителями живой этнокультурной традиции, в результате личных наблюдений за обыденными и ритуализованными формами бытовой повседневности изучаемого народа. Б.А. Калоев считал, что этнограф в поле должно интересоваться все. Даже не вписывающийся в "узкую" тему специализации материал должен быть зафиксирован и описан и таким образом сохранен для последующего научного осмысления. Нормой этнографического нарратива, которой Б.А. Калоев неизменно следовал, была тщательность, скрупулезность и детализированность описания, без поспешных обобщений и необоснованных выводов. Многие работы Б.А. Калоева прекрасно иллюстрируют тот признанный факт, что классические исследовательские нарративы по прошествии времени сами становятся авторитетными источниками конкретной фактографии для современных попыток новых интерпретаций добытого нашими предшественниками материала.

Научные экспедиции Б.А. Калоева пролегли едва ли не по всем уголкам Кавказа, при этом мало кто мог сравниться с ним по конкретному знанию этнографических реалий у народов региона. К их изучению ученый подходил с важных концептуальных позиций, которые имеют непреходящее значение для кавказоведения. Так, Б.А. Калоев видел черты цивилизационной уникальности народов региона, однако никогда не преувеличивал и не огрублял соответствующие схемы. Более того, саму эту уникальность он считал результатом симбиозного взаимодействия на Кавказе, с одной стороны, автохтонных культурных традиций, а с другой, инорегиональных и иноцивилизационных импульсов, в исторической динамике которых функции донора и реципиента для обеих сторон часто менялись и взаимодополнялись. С этой точки зрения Б.А. Калоев особенно внимательно изучал проблему иранского наследия на Кавказе, в частности у осетин, в этнографическом бытии которых он выявил, описал и проанализировал ряд черт, генетически связанных со скифо-сарматскими реалиями.

При изучении этнической культуры Б.А. Калоев считал существенным сосредоточиться не только на статике, которая под пером иных исследователей грозит превратиться в самодовлею-

щую целостность, но одновременно видеть черты вечного процесса эволюции и саморазвития культурной традиции. Б.А. Калоев неизменно фиксировал как исторические трансформации, так и синхронные изменения культурно-бытового ландшафта. В этих исследовательских аспектах, особенно при объяснении причин трансформаций, порой видна некоторая увлеченность диффузионистскими идеями, но сам методологический подход в рамках изучения мультикультурного региона представляется полностью обоснованным.

В то же время в своих работах Б.А. Калоев проследил многие черты сходства, порой идентичности ряда культурных форм у народов Кавказа. Исследователь неизменно подчеркивает общность их исторических судеб, очень лично, эмоционально ощущая неразрывные связи, соединившие все этносы региона. Эти чувства во многом движут исследователем во время полевой работы. "Я с огромным интересом изучал эти народы", – пишет Б.А. Калоев в своих "Записках кавказоведа" о пребывании в Дагестане: "я изучал эти народы с большой любовью и интересом", – замечает он в другом разделе своей книги о вайнахах. Полевая работа всегда была большим и радостным событием для ученого.

Однако в последние годы Бориса Александровича многое огорчало. Он тяжело пережил распад Советского Союза, до конца так и не приняв новые идеологические и социальные ориентиры. Глубоко переживал трагические потрясения на Кавказе, рост межэтнической и политической напряженности, события в Чечне, Беслане, Южной Осетии. Довелось пережить и тяжелое личное горе – потерю верного друга и жены Г.П. Васильевой (09.06.20–28.05.05) – доктора исторических наук, крупнейшего специалиста по этнографии народов Средней Азии. Но, к счастью, было и много радостного. До конца дней Борис Александрович сохранял завидную работоспособность, продолжали выходить книги, радовали своими успехами многочисленные ученики, огромное наслаждение доставляло общение с маленьким правнуком.

...Перед глазами неизменный облик Бориса Александровича: всегда прямая спина, развернутые плечи, голова чуть приподнята, спокойный, твердый шаг. Вероятно, таким, получившим традиционное горское воспитание, был уезжавший из родного аула на учебу юноша Борис Калоев, таким он был, по воспоминаниям, и в 1947 г., когда в еще не снятой военной форме впервые появился в коридорах Института этнографии, таким же в феврале 2006 г. мы увидели Бориса Александровича, входящего в Зал приемов Постоянного представительства Республики Северная Осетия-Алания, где московская осетинская община и ИЭА РАН отмечали его 90-летний юбилей. Это был наш общий праздник. Мы поздравляли юбиляра, говорили о его вкладе в науку, благодарили за ратный подвиг, желали новых успехов, зная о его работе над очередной книгой.

В Борисе Александровиче восхищали его замечательные человеческие качества: мужество и честность, верность пронесенным сквозь годы идеалам, врожденное благородство, рыцарственная этикетность. Это почти исчезнувшие категории современной действительности, а потому и уход Бориса Александровича горестно воспринимается как символический знак прощания с поколением и эпохой нашей жизни. Отныне живая связь с ними – лишь наша память, которая сохранит светлый образ Бориса Александровича Калоева, и его труды, навсегда оставшиеся в золотом фонде отечественной науки.

Ю.Д. Анчабадзе, З.Б. Цаллагова, Ю.И. Зверева